

1945

Имя Григория Ивановича Долгана хорошо знали и еще помнят в округе. Уроженец далекой Аянки, он всю свою трудовую жизнь связал с Камчаткой, с ее людьми: учительствовал — в той же школе, где и учился, работал в учреждениях культуры, в окружном партийном комитете. Выйдя на пенсию, взялся за перо — и это дело для него было не новое: когда-то сотрудничал в газетах. Воспоминания о людях, об удивительных по красоте местах вылились в рассказы. Они публиковались в окружной газете. Сейчас Григорий Иванович живет в Хабаровске, работает над повестью «Бурелом».

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей новый рассказ нашего земляка. В сопроводительном письме к нему автор пишет, что впечатления детства, легшие в основу рассказа, были проверены и подкреплены в последнюю поездку в Аянку — в 1987 году. Разговаривал с тетей Пашей — женой Пуипана, Исчой — Степаном Семеновичем Долганом, с другими аянкинцами, помнящими и то время, и тех людей, что описаны в рассказе.

Григорий ДОЛГАН

ШЛА ВОЙНА

В юрте уже было светло. Все три полога, сшитые из оленьих шкур, были раскрыты, весело горел костер, над которым висели два медных чайника и большая кастрюля. Тетя Аграфена сидела у костра и помешивала белую муку в большой сковороде плоской деревянной лопаточкой. Муку обычно жарят во время какого-нибудь праздника или значительного дня. Когда жила-была бабушка, она часто говорила: «Надо чаще жарить муку, особенно в религиозные дни или в кири-семье». Кирисемьем бабушка называла воскресенье.

Однажды она ходила в школу слушать лектора, приехавшего из Паланы, а когда пришла домой, говорит: «Фашист-аринкал хурэлтэн, кубэччон муту мадавур нэкрэ». Но все равно наши победы, вот тогда-то мы много муки пожарим».

Жареная мука была для эвенков особым, праздничным блюдом. Обычно в такие дни у всех бывает радостный вид. Тетя помешивала муку, но лицо у нее было грустным и задумчивым.

— Я, кажется, проспал. А где же дядя Павел, Исча, Элэкчэй? — заговорил я тихо, стараясь не напугать ее громким голосом.

— Наконец-то проснулся. А мы уже чаю попили, и они ушли за оленями в стадо. Вставай, завтракать будешь.

1. «Фашисты — это чертвы дети. Они хотят убить всех нас».

Люди, которые должны ехать на Култбазу, уже собрались. После обеда они уезжают... А разве вам учитель ничего не говорил? — медленно повернула голову и посмотрела на меня.

Я вспомнил, как на последнем уроке собрались оба класса учащихся. К нам обратился сам учитель Петр Минович Хмелек:

— Ребята, нашей стране очень тяжело. Фашисты много городов и сел захватили, погибло много советских людей, красноармейцев. На фабриках и заводах, полях колхозов и совхозов работают женщины, совсем пожилые люди, дети, — говорил он тихим, но твердым голосом. — Правда, за последнее время радио принесло хорошие вести. Наши отстояли Москву, и началось наступление Красной Армии. В селе состоялось собрание и решили, что несколько молодых и здоровых людей пойдут на фронт. Сегодня-завтра здесь будут оленеводы, охотники, и мы поедем на оленях на Култбазу... А вы учитеесь и растите. Аянцы не могут быть в стороне и тоже должны бить фашистов и защитить Родину. Наши люди много сдали для Красной Армии меховой одежды и обуви, оленьего мяса, пушнины. Но этого мало...

Ученики внимательно слушали Петра Миновича, никто ничего не спрашивал. Они поняли, что идти на войну настала очередь их отцов, братьев, родственников, любимого учителя. А вернутся ли они? Этого никто из нас

МЫ ПОБЕДУ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...

не знал. Страшная беда надвинулась на страну, надо отвести эту беду от советских людей...

...Я быстро встал, оделся и вышел на улицу. Взял топор, чтобы порубить дрова, но услышал скрип полозьев и посмотрел на дорогу. На оленьих упряжках ехали дядя Павел, Майнын, Коткиргин, Исча и Элэкчэй. К нартам было привязано еще несколько оленей. Они привязали их к деревьям и пошли по своим юртам, чтобы хорошо покушать перед дальней дорогой.

Мы ели мясо и отваренных хариусов, пили много чаю. За обедом разговор не клеился. Каждый думал, как дядя Павел и Исча будут воевать? Конечно, они меткие стрелки, но человека никогда не убивали.

— Ничего, мы мигом научимся бить врагов, только вы живите хорошо, отвечайте на наши письма, а как кончится война, мы вернемся, — говорил дядя Павел, хотя и знал, что мало кто мог писать письма.

Тетя Аграфена накинула на голову цветастый платок и завязалась так, что он почти закрывал глаза. Она говорила мало. Наливая чай, обращалась к дяде Павлу, своему мужу, и брату Исче:

— Берегите себя, попусту не лезьте в пекло, думайте о нас. Мы будем ждать конца войны и вашего возвращения. Мы будем молиться за вас.

Наши бабушка и дедушка учили и заставляли нас молиться, просить у бога послать нам много еды, чтобы обходила нас болезнь. На стенке большого полога висели иконы, на которых были изображены боги и богини. Тетя вспомнила о молитве и говорила, что бог обязательно спасет от смерти дядю Павла и Исчу.

— Дядя Павел, мы с Витей будем помогать тете по дому; сам я буду ходить на рыбалку, на охоту. Вы о нас не думайте шибко, постарайтесь, чтобы дома было хорошо, — говорил им Элэкчэй.

У нас было несколько пастей, петлей и капканов. До этого охотой занимался в основном Исча, приносил куропаток, зайцев, лисиц. А дядя Павел был все время далеко, на охотничьих угодьях. Он сдавал главному пушнику района Попову Василию Петровичу множество шкурок белки, зайцев, россомахи, лисицы, выдры. За них он получал чай, сахар, муку, капканы, масло, деньги. Теперь на нас с Элэкчем ложилась забота о благополучии в семье. Правда, мяса было у нас вдоволь, юколы тоже.

Закончив чаепитие, мы все вышли, чтобы проводить их. Возле оленей собрались жители почти всей Аянки. Многие уже запрягли оленей и разговаривали со своими родственниками. Я многих не знал, но Элэкчэй мне все рассказывал о тех, кто уезжает и кто они такие. Петр Минович подходил то к одной, то

к другой кучке людей и коротко перебарывался простыми словами, подбадривал их.

Это был выше среднего роста молодой человек, со смуглым лицом, всегда аккуратно одетый. Сегодня он надел пеструю двойную кухлянку, серые штаны, тоже из оленьих шкур, и короткие торбасы из черных камусов. Малахай был расшит разноцветным бисером. Его не только уважали сельчане, но и любили. Некоторые люди удивлялись, как он, совсем молодой человек, решился ехать в такую даль, в наши пенжинские земли. Он быстро перезнакомился со многими жителями, внимательно слушал их разговоры, советы; сам никогда сразу ничего не предлагал, не говорил им всякие нравоучения. Разговаривал медленно, вставлял уже знакомые эвенские и чукотские слова.

В школе учились 17 — 18-летние переростки, их было много и в первом, и во втором классах. Во время перемены он первым выходил на улицу и организовывал борьбу со старшими ребятами, а вечером к нему приходили молодые мужчины, работающие в колхозе. Петр Минович подолгу с ними боролся, показывая технику борьбы. Потом, через некоторое время, отдельные ребята почти наравне боролось с ним. После занятий они вместе делали длинные лестницы и турники, буму. Самым интересным для молодых людей был бег на 10 километров. Они бежали с большим удовольствием, тем более, что все они родились в тундре и жили рядом с оленями. Эти занятия назывались военной подготовкой.

— Наверно, ваш папа будет во главе мужчин, едущих на Култбазу. Видите, и он со всеми прощается. Конечно, жаль, что он уезжает, но и хорошо, что он всегда будет с нашими мужчинами, — подходила Энинья, обращаясь и к ним, и к другим, — нонан-хун амансан².

Прощание, казалось, было долгим. Люди стояли и разговаривали о чем-то важном. Никто, даже дети не плакали. По эвенскому, чукотскому и корякскому обычаям, даже при более тяжелых случаях, никогда не плакали, только их лица становились все мрачнее, почти не разговаривали между собой, молча делали каждый свое дело. Недалеко от нас стояли Пуипан с Пашей и с многочисленной родней. Там, среди них, был и Олексейчан, один из самых молодых ребят, которые ехали на фронт. Пуипан был одет тоже в пеструю двойную кухлянку, черные торбасы. Он выглядел красивым, стройным, свободно говорил по-русски. В школе иногда был переводчиком, так как мы еще плохо знали русские слова. Он был и продавцом, потом работал в сельсовете. Приехал в Аянку из Паланы, где было много русских. Для многих аянцев Палана представлялась большим городом, хотя это был всего небольшой поселок. В Палане размещались окружные организации. Пуипан часто рассказывал односельчанам про новости на Камчатке, о войне. Паша была самой красивой из женщин села. Два года назад она вышла замуж за Пуипана. Сейчас, прижимаясь к нему, тихо говорила:

— Все время держи возле себя моего брата, Олексейчана, берегите себя, помогайте друг другу, и как победите фашистов, сразу возвращайтесь. Без вас нам будет очень скучно.

А он успокаивал ее:

— Мы все будем вместе,

2. Нонан-хун амансан — он ваш отец.

а после войны сразу вернемся. С нами будет Петр Минович, друг друга терять не будем.

На самом же деле они не представляли, как сложатся их фронтовые судьбы, как часто будет меняться обстановка в бою, кто из них останется живым. Но каждый из них думал, что обязательно вернется домой, снова увидит своих родных, Аянку.

Потом все зашевелилось: люди стали подходить к нартам, на которые взяли в руки кэнкэры³; отъезжающие мужчины последний раз торопливо говорили прощальные слова, сели в нарты и медленно тронулись по дороге. Я машинально посчитал — их было двадцать.

Сельчане остались стоять молчаливо, пока те не скрылись за лесом. Каждому слов им сказать, пусть бы кто-нибудь вернулся за какой-нибудь забытой вещью. И знали — не вернутся. Был обычай: раз ушел или уехал, никогда назад не возвращаясь.

К вечеру пошел снег, скрылись луна и звезды. Холодный ветер налетел внезапно, снег падал хлопьями и засыпал все дороги. На улице никто не выходил. Но в этот вечер долго горели костры в юртах, топились печи в немногочисленных домах. Люди говорили только о тех, кто уехал далеко. Почти в каждой юрте мужчины и женщины бросали самые лучшие кусочки из еды в огонь и приговаривали, чтобы у уехавших была хорошая дорога и чтобы они вернулись здоровыми.

Пять суток не было никаких вестей: ни с Култбазы, ни с Пенжино. Жители зачастили в юрту к старой Агафье:

— Может быть, ты что-нибудь знаешь? Где теперь наши, на Култбазе или уже с Гижиги улетели на фронт? Как будто вчера ты камлала?

— Теперь я очень редко держу бубен в руках. Осенью, вы помните, тут был лектор из Паланы и говорил, что надо судить тех, кто верит в бога, при советской власти не должно быть шаманов... Да, я вчера старалась узнать, где наши люди. Звала своих духов, и они поведали, что наши ребята на Култбазе, но дальше еще не уехали, — с трудом говорила тетюшка Агафья. Люди уходили от Агафьи с приподнятым настроением, говорили знакомым: «Наши на Култбазе, но дальше пока не уехали». Аянцы в душе радовались: они ведь еще не уехали, пусть побудут еще на родной земле.

Агафье было уже 70 лет. Она родилась в стойбище, люди которого уже много лет кочевали у реки Омолон. Когда ей было около двадцати лет, она уже могла лечить больных. Собирала разные травы, знала наговоры против разных болезней. К ней ехали ламуты⁴, чукчи, коряки, якуты. Многие она излечивала. С тех пор она стала известной в округе. А в 1939-м она со своей семьей перекочевала в верховья реки Пенжино и затем вместе со всеми эвенками вступила в создавшийся колхоз.

И вот приехал русский лектор из Паланы и крепко напугал Агафью и всех жителей: при советской власти не должно быть шаманов.

Агафья не понимала, почему же ее обвиняет русский лектор. Она старалась лечить своих сородичей, за это от них ничего не просила и не брала; да разве они виноваты, что вдруг заболели, а бо-

3. Кэнкэр — погонялка оленьей, сделанная из березовых или дубовых прутьев.

4. Ламуты — местное название эвенков.

...малых парней на фронт, и про себя просила бога не дать погибнуть им, пусть после победы все вернется домой. За последний год Агафья сильно сдала, частенько на нее нападала хворь. Она мазала суставы рук и ног медвежьим жиром, летом просила кого-нибудь найти пчелиный улей и наскрести хоть немного меда для нее. Ее болезненное настроение люди старались не замечать, они думали, что она просто стареет и проживет еще долго. Она сильнее всех, потому что она шаманка. Но она чувствовала, что силы с каждым годом покидают ее.

...Двое суток аянцы ехали на оленях, останавливались лишь накормить оленей, дать им отдохнуть и самим почастовать. На третьи сутки достигли куюла. Петр Минович подошел к Пуипану, подозвал всех:

— Олени устали, может быть тут и заночуем? А завтра во второй половине дня двинемся дальше?

— Правильно, в последний раз отдохнем и поспим на нашей пенжинской земле, — согласился Исча.

Поставили палатки, привязали оленей на длинные ремни, чтобы могли пастись. Разожгли костер, навесили три чайника и две кастрюли с мясом. Темнело быстро, кушать и пить чай пришлось при свечах. Затем все собрались в одной палатке и долго говорили о родственниках, рассказывали интересные случаи из жизни. Но каждый про себя думал о том, что ждет их впереди, хватит ли сил и умения воевать, как все красноармейцы. Потом, когда все притихли, Коткиргин, молчавший всю дорогу, и даже во время чаепития, обратился ко всем:

— Я хочу рассказать эвенскую легенду, которую рассказывал мне Тыгай, он знает много легенд и сказок.

...Люди долго, может быть, всю весну шли, чтобы найти хорошие пастбища для оленей, рыбное место и богатую пушным зверем землю. Но каждый раз встречали чужаков с копьями и стрелами. Люди погибали не только от стрел, но и от неимоверной усталости и голода. Оленей осталось совсем мало, все вещи погрузили на них, а сами шли пешком.

В полдень молодой человек остановил своих оленей и обратился ко всем:

— Располагайтесь здесь на ночь, утром пойдем дальше. Кажется, осталось немного. А сейчас я пойду и посмотрю здешние места, вернусь к вечеру.

Это был Болчан. Хотя и был молодым, его все уважали, прислушивались к его мнению. Он был не только сильным, смелым, но и умным парнем. Он часто с молодыми, такими же, как и он, ходил на охоту и приносил хорошую добычу. Но за последнее время диких зверей и птиц совсем не стало. Голод заставил людей идти все дальше и дальше.

Болчан прошел два горных перевала, всюду росла лиственница, кедровый покров, в долинах рек и на склонах сопки было много ягодных полей, в реках плавали много разной рыбы. А когда спустился к одной долине, увидел горячие ключи, возле которых было множество следов разных зверей.

Когда осматривал местность, на склоне холма увидел красивую девушку с длинными черными косами. На ней была одежда из летней шкуры молодого оленя, расшитая орнаментом, разноцветным бисером. Болчан так засмотрелся

на нее, что не заметил, как подошел к ней. Она была очень красива, ее звали Хэлэргун. В этих краях знают про тебя. Но есть люди, которые не любят тебя и тех, кто произносит твоё имя, — мягким голосом, смотря себе под ноги, проговорила она. — Мои родители вовсе не знают, что я часто думаю о тебе.

Пока они разговаривали, близко к ним подошел Хэлэргун.

— Ты чужой, пришел издалека, но мы тебя убьем и на костре зажарим, — громко закричал он на Болчана. Его голос эхом пронесся по всему лесу, горам и долинам рек, затряслась земля. Он направил свое копье на Болчана.

Болчан вынужден был тотчас же снять чехол со своего копья и шагнуть к незнакомцу. Тот был намного крупнее, но Болчан был очень ловким. Дрался долго, даже не заметил, что белая ночь проходила, и вокруг стало светло. В одно мгновение, чуть подавшись вправо, Болчан нанес сильнейший удар Хэлэргуну, но угодил по копыту. Копье противника разлетелось вдребезги. Болчан не мог убивать безоружного — он привык побеждать только в честной борьбе. Он бросил копье, скинул одежду и снова ринулся на врага. Хэлэргун тоже разделся. Каждый хотел с броска положить соперника спиной на землю, но оба приземлялись на ноги, хватили друг друга за лопатки, ноги, шею. И все-таки Болчану удалось захватить противника за туловище, поднять и что есть силы бросить на землю.

Хэлэргун дышал прерывисто и глубоко, и не мог подняться. А Болчан, шатаясь, медленным шагом пошел в сторону горячих ключей. Он не помнил, как и где его встретила молодая девушка. Недалеко возвышалась высокая и высокая гора, рядом с ней протекала узкая, но глубокая река. А ведь этой горы и реки не было. В то утро, когда не стало Хэлэргуна, высокой сопке дали название Улигиндя, а речке — Хулакагчан. Кругом стояли топольные деревья, все горные склоны занял густой лиственный лес.

Здесь расселились эвены. По тундре и в лесу паслось оленье стадо. А Болчан и его девушка Асаткан поженились, воспитали много детей, стали уважаемыми людьми богатого оленного края...

...В палатке стояла тишина. Каждый с восхищением думал о Болчане, хотел выглядеть ловким и сильным перед фашистами; они хотели, чтобы и земляки знали об их храбрости и смелости.

— Ничего, ребята, мы воевать будем не хуже других; мы не только имеем силу, но и выносливость, немцы не так быстры, как олени, — прервал тишину Мартымчан.

— Иметь силу и выносливость — большое дело, а вот без сноровки и смекалки очень тяжело на войне. Поэтому нам надо быстро ориентироваться, мысль должна работать быстро, мы должны во всем опережать противника, — обратился ко всем Петр Минович.

Они снова долго говорили о войне, о тех, кого оставили в Аянке.

На следующий день неж-

Село состояло из двухквартирных деревянных домиков, трех китайский фанз и двух больших домов: райкома и райисполкома. Крыши домов были покрашены в красный и зеленый цвета. А на другой стороне реки — много людей, по улицам часто проносились собачьи упряжки. Возле каждого дома были сложены юрты дрова из кедров.

Оленей они привязали за селом и оставили Майнына и Мартымчана присмотреть за ними.

Впереди всех шли Петр Минович и Пуипан. Всей гурьбой вошли в большое и длинное здание, а затем очутились в кабинете секретаря райкома партии Рубанова Николая Ивановича. Секретарь райкома встал, подошел и шумно стал здороваться с ними.

— Только сегодня утром из Оклана сообщили, что двадцать человек проехало из Аянки, — пожимая каждому руку, улыбаясь, говорил Николай Иванович. — Еще они говорили, что вы собрались ехать на фронт.

— Много людей сражается за Родину. А что мы будем отсиживаться в такое время? Пастушить в оленеводческих стадах, делать работу по хозяйству колхоза могут и пожилые люди, и совсем молодые ребята. А вот изгнать

врагов с нашей земли не каждый может, — за всех отвечал Петр Минович. — Все — пастухи и охотники, я — учитель. Вместо нас будут работать другие. Так договорились со всеми жителями.

— Товарищи, страна находится в очень тяжелом положении: и на фронте, и в тылу наши люди сражаются за победу. На заводах и фабриках самоотверженно работают совсем молодые и подростки, они недоедают, недосыпают; в колхозах и совхозах остались почти одни женщины... Они много работают, вырабатывают продовольствие для фронта. На заводах женщины, старики и дети делают танки, самолеты, пушки, пулеметы, винтовки.

...Они слушали Николая Ивановича и думали: а что будет с оленьими стадами, если начнут их пасти женщины, дети вместо ушедших на фронт мужчин? А кто же будет охотиться, ловить рыбу и заготавливать юкору? Перед их отъездом старый Митя говорил, что в колхозе совсем мало людей, их не хватает на каждом участке, что Мартымчандя начал готовить молодых парней для работы на строительстве школы и жилья, но их все равно мало.

— Но пришло разъяснение правительства о том, что и в тылу куется победа над врагом; в северных районах и у нас, на Камчатке, своим трудом камчадалы помогают фронту. Нам надо еще боль-

евики и чуванцы, многое делаете для фронта и поэтому благодарим вас за это. Бюро райкома и райисполком поручили мне сказать, что и дальше вы должны трудиться в колхозном производстве. Красная Армия только что наголову разбила фашистов под Москвой. Как никогда, сегодня нужен самоотверженный труд и в тылу. И вам надо возвращаться домой, в Аянку, и там трудиться, чтобы ускорить нашу победу, — продолжал секретарь и смотрел каждому в лицо, стараясь угадать, понимают ли его.

После недолгой речи Николай Иванович стал расспрашивать о делах в колхозном производстве, об оленеводах, охотниках. Многих он знал, спрашивал об их здоровье, интересовался жизнью молодежи. Разговор затянулся до темна.

...Поздно вечером пришли на окраину села, где стояли палатки. Мартымчан и Майнын услышали разговор и смех и выскочили из палатки. Ребята шли по неуютанному снегу, возбужденные разговором в райкоме партии, и делились впечатлениями.

— Ями тала гору бисисэн? — громко спросил их Мартымчан, удивляясь их веселому настроению.

— Завтра к вечеру поедем домой, в Аянку, — с улыбкой ответил ему Олексейчан.

— Но почему вдруг домой поедем, почему не на фронт? — недоумевал Мартымчан.

За весь день они проголодались, ели с аппетитом мясо, пили чай. За ужином Петр Минович и другие наперебой рассказывали Мартымчану и Майныну о разговоре в райкоме партии, о том, что и советское правительство требует, чтобы и северяне со всей отдачей трудились во имя победы над врагом.

...На четвертые сутки подъезжали к Аянке. На окраине села по дороге Аманя тащил на нарте сухие дрова из лиственницы и вдруг услышал сзади скрип полозьев и топот оленей. Он повернулся назад и удивился: по дороге на упряжках оленей ехали ребята, которые несколько дней назад уезжали на фронт. Впереди ехал его сын Олексейчан. Аманя стоял на середине дороги и не мог понять: почему же они вернулись?

В Аянке приезжих первыми встречала ребятня. Мальчишки с криком пробегали возле юрт, домов и кричали: «Наши приехали! Идите их встречать! Ур-ра-а!!!». И все жители выбегали из своих жилищ и бежали в центр села, где уже распрягали своих оленей Павличан, Майнын, Олексейчан, Коткиргин и дру-

Вечером в школе собрались аянцы и слушали своего учителя Хмелека Петра Миновича.

Собрание закончилось поздно вечером, и люди расходились по домам. Олексейчан шел вместе с большой группой мужчин и громко говорил:

— Ничего, что мы не поехали на фронт. Но если бы мы попали туда, то я бы видимо-невидимо немцев поубивал, старался бы, чтобы каждая пуля попала только в глаза. Я ведь на охоте белку только в глаз бил. Так делал бы и в бою.

Олексейчан был любимцем аянцев. Сильный, молодой, красивый, он привлекал сельчан своим острым умом, говорливостью и веселостью. Когда ехали на Кульбазу, очень мало разговаривал, все думал, как бы воевать лучше, показать, что он не хуже других. Так думали все его товарищи, но каждый из них боялся этой войны и смерти. В минуты раздумий они снова возвращались к своим семьям, матерям, сестрам и братьям. И вдруг — они должны возвращаться домой.

Они хотели сейчас убедить односельчан, что они ехали с решимостью, с желанием победить сильного врага, в то же время они думали и о родных, которых оставили в селе.

Паша и Пуипан шли домой и говорили-говорили, они не ощущали мороза, не вслушивались в голоса идущих рядом людей, словно в этом лунном вечере существуют только они, вдвоем. Потом они вошли в теплый и уютный домик. Паша прильнула к мужу и проговорила:

— Я и все соскучилась по тебе, я все время думала о тебе и плакала, видела во сне, как ты в пестрой курточке и малахее уходишь все дальше и дальше.

А Пуипан не находил нужных слов и только гладил ее длинные черные волосы, смотря на ее лицо, бледное и нежное. И, казалось, он впервые увидел красивое лицо своей молодой жены.

— Мы снова вместе, я больше нигде не поеду, — слегка заикаясь от волнения, ответил он. — А впереди много работы, и я думаю, что наш народ победит.

Далеко за полночь уснула Аянка. Был слышен только треск промерзающих деревьев; ни в одном доме, ни в одной юрте не горел огонь; свернувшись в клубок, глубоким сном возле юрт и прямо на улицах спали собаки; яркая луна осветила все село и окружавший его лес. Сильные морозы стояли почти весь январь. Аянцы говорили, что морозная зима всегда сменяется жарким летом.

Рано утром люди потянулись в контору. По их поведению было видно: впереди — много важных дел. Еще больше, чем раньше, поедет людей в табуны, на охотничьи угодья; некоторые будут заготавливать дрова для колхоза, школы, больницы, клуба, магазина, и много других работ легло на плечи населения.

...А война шла. Ее грохоты доносились и до Аянки все новыми известиями о наших тяжелых победах, о подвигах городов и сел.

* * *

На снимке: Г. И. Долган у оленеводов (фото из семейного альбома).